лолита милявская:

Больнее, не было

фото Рифата Юнисова

— Лолита, вам себя жалко?

— Уже нет. Жалко себя — по-женски — мне было в той жизни. Когда неустроенная была. Когда концертов много было, желудок болел, переезды тяжелые. Бывало, летишь, трясешься и думаешь: все, последний перелет в моей жизни. Так жалко себя — вроде не успела еще ничего! А теперь нет, не жалко; как бы ни трясло в самолете, ничего-о, думаешь, такая жизнь хорошая, так много всего впереди.

— Кто же вас преобразил так!

— Окружающий мир — у меня была возможность убедиться, что тех, кого обычно называют, скажем так, плохими людьми, гораздо меньше в жизни, чем об этом говорят.

— А есть какие-то временные рамки той жизни!

— Момент, когда я работала в дуэте «Академия» — все, что с нею связано: та семья — та жизнь. Я выстроила стену между прошлым и будущим — заново родилась.

— Но тогда вы же не осознавали, что все так плохо!

— Неизвестно, чем закончится эта моя история. Но начинается она очень красиво. Так же, как и та моя жизнь, когда все у меня было, абсолютно все — не в смысле материальном. Материально мы оба начинали никакие, у нас довольно долго длился период пяти копеек в день. Но мы были счастливы абсолютно. При расставании я поняла одну вещь: будучи нищими, мы были самые влюбленные, безумные, страстные, с приходом больших денег, не просто среднего уровня, а действительно больших, и известности, и красного лимузина счастье куда-то ушло... Наверное, оно цинично — у каждого человека. Кто-то на смены счастья и несчастья сильнее реагирует, кто-то, может, не замечает их вовсе. Я очень сильно отреагировала. Как бы пережила смерть.

— Этот год для вас был таким жутким!

— Он был переломным. Ломать кости всегда тяжело. Но они сращиваются со временем. Поэтому — ничего, все нормально.

— Такое ощущение, что сейчас вы уже действительно совершенно спокойны. А был момент какой-то супероткровенности — вспоминается интервью в «Караване историй», эти рассказы про проституток... Теперь думаете: может, не надо было!

— Нет, не думаю. Есть замечательное правило — «никогда не жалей о том, что сделал». Это важно. И потом, ничего смертельного я не сделала. Никого не убила, не ограбила. Честно, зря никого не обидела. Поэтому Бог меня не накажет. А если я такая эмоциональная натура — что ж, какая есть. Другая женщина — она закрытая, кто-то искренен, кто-то нет. Все мы разные. И какие мы есть, пусть такими нас и любят.

— Но здесь есть и другой пласт. Ваш с Сашей союз — это было так красиво, мы любовались вами, верили, что вот бывают же и в жизни сказки...

— Вы думали, что хоть у кого-то есть красивая история, а выяснилось, что ни у кого? Неправда. На самом деле красивых историй много — просто они случаются у непубличных людей. И мы не всегда об этом знаем. Что же касается «Академии»... Честно говоря, я и сама верила, что — красиво. Когда стала понимать, что это не так, то интервью у меня пошли пессимистические. Да, я еще раз людям показала, что не все золото, что блестит, и что артисты такие же человеки, как все. Да, зачеркнула сказку, но — сказала правду как есть. Потом начала все исправлять, а это очень болезненный процесс: когда режешь себя по живому. Поэтому во всей этой истории больнее, чем мне, поверьте, не было никому. Должна или не должна была об этом рассказывать?.. Очень многие мужчины, которые все это прочли или присутствовали при таком некрасивом финале «Академии», сказали мне потом одну замечательную вещь: знаешь, признались они, мы к женам своим начали по-другому относиться. Вот дословная цитата человека, который много себе в жизни позволял: «Наблюдая за вашей ситуацией, я вдруг подумал: а вдруг и я жену потеряю? Вдруг она сделает то же, что сделала ты? Не смогу этого пережить!» Зрелые мужики начали шевелить мозгами. В конце концов, должны же они понять, что никакие деньги, никакая карьера, бизнес не удержат женщину, если ей плохо...

— Саша в этой ситуации повел себя весьма достойно.

— Что значит достойно? В какой ситуации?

— На все ваши откровения — молчал.

— Если бы я была мужиком, то сделала бы точно так же: мужик не должен отвечать. Особенно виноватый. Обо мне ему и сказать-то нечего, мои претензии были совершенно обоснованными. Он тактично промолчал. Ну и нормально, хоть за это можно его уважать.

— И работать вместе дальше!

— Нет.

— Как же «Доброе утро, страна»!

— Мне все равно, с кем вести телепередачу. Ему, полагаю, тоже.

— Тяжело, наверное, ненавидеть!

— Чувство ненависти у меня к бывшему супругу — было. Но это настолько несвойственное для меня состояние, что оно мне страшно мешало, опустошало. Я из тех людей, которые быстро вспыливают, но и быстро отходят.

На сегодняшний день я к Саше отношусь, например, как к двоюродному брату, родственнику. Хотя он и есть родственник — у нас ведь общий ребенок.

Иногда с девочками сидим, разговариваем, воспоминания нахлынут, говорю: «Девчонки, как мне его жалко!», а они: «Тебе всех жалко».

— Что у вас с рукой?

— Порезала в гостях. Стакан разбили и не все осколки с дивана убрали. Я села и... Пришлось зашивать. Хорошо хоть сухожилие не задето.

В казино искала страсть

— Лолита, впервые не на экране я увидел вас в казино. Признаюсь, интересно было наблюдать за вами, показалось: вы — игрок.

— Я была игроком. В казино пошла от неустроенности, оно замещало мне страсть, которой не хватало в обыденной жизни. Сегодня не испытываю от игры никакого удовольствия. Мне гораздо интереснее находиться в кругу семьи, среди друзей, смотреть телевизор, целоваться в парке — обычные вещи, которые на много лет отошли на задний план, сейчас всплыли, и мне опять всего этого хочется. Теперь если попадаю в казино (по работе), то смотрю на игроков с жалостью. Понимаю: если играют, значит, неустроенны — влюбленные не ходят в казино, не ходят туда люди, довольные жизнью. Есть пресытившиеся, сошедшие с ума от дикого количества денег; все попробовали: девочек, стриптизы, бани, у них дома в Майами и Монте-Карло, а счастья нет. Вот и играют. Расстраивают свою психику окончательно — люди очень нервные, когда проигрывают. А проигрывают все и всегда.

— Однако бытует мнение: если много играешь, то пятьдесят на пятьдесят.

— Никогда. Игрокам свойственно, один раз выиграв, рассказывать об удаче годами, скрывая при этом, какие суммы реально проигрываются. А скольские проигрывают вообще все! Нет, это самая настоящая наркомания, от которой надо лечиться... Я, например, могла отработать три концерта, прийти с полученным гонораром и просидеть за столом целые сутки. Саша звонил мне на мобильный телефон: «Знаешь, у нас сегодня опять концерт!» Хорошо. Ехала на концерт. Брала гонорары. И снова проигрывала.

— Люди, которые вас окружали — игроки, крупье, они же вас по телевизору видели, узнавали, они же не бездушные — в их глазах вы ничего такого не читали, что могло бы остановить вас!

— В их глазах?! Уже в миру, в нормальном состоянии на какой-то презентации меня познакомили с одним человеком, каким-то крупным бизнесменом. «Лолита», — представилась. «Знаю, — говорит, — мы с вами много лет в одном казино играли». — «Как!» — «Да, за одним столом. Только вы ведь ничего не видели». Это точно. Знаю, что иногда в некоторых местах охрана за моими вещами присматривала, потому что я приходила, бросала сумку — с ключами, документами, деньгами, мне уже было все равно. А крупье? У них работа такая, им должно быть все равно. Хотя, думаю, все они с интересом наблюдают: вот и эта пришла, и этот! — будет о чем порассказать дома или в компании. Тем более что и выпиваешь больше, чем могла бы позволить себе леди в миру... Хотя нет, не все. Есть одно маленькое казино, где я позволяла себе расплакаться. Они закрывали стол, давали мне возможность играть одной. Переживали, когда проигрывала, радовались, когда — редко — выигрывала, и говорили: «Сейчас-то вы можете уйти с деньгами». Но при чем тут выигрыш! Или проигрыш. Я просто платила себе за неустроенность.

— Совершенно кинематографическая картина: вы — совершенно одна за столом — молча делаете ставки — и слеза катится по щеке.

— Первая часть моей жизни — типичная мелодрама. Когда-нибудь ее снимут, очень красивый получится фильм, только вот сценарий нужно мне самой писать.

— Почему?

— У «чужих», мне кажется, не получится, это все нужно самой пережить.

— Вам вещие сны снятся?

— Вещие нет. Практически нет.

— Какие? О прошлом?

— Мне очень часто снится моя собака — мой Эммануил. Казино замещало страсть, которой мне хотелось в жизни. Собака замещала отсутствие ребенка. Я была помешана: со стороны это выглядело, наверное, смешно — женщина, разговаривающая с собакой, как с маленьким ребенком. Но она давала мне все то же самое, она понимала меня. Ее смерть я переживала жутко — было сильное нервное расстройство, настолько сильное, что пришлось лечь в клинику... Эммануил снится мне всегда живой и здоровый, и я думаю: раз так, значит, ему там хорошо — и мне от этого становится легче. Люблю его безумно до сих пор и буду любить всю свою оставшуюся жизнь. Я бы и дачу уже продала: во-первых, далеко, во-вторых, она из прошлой жизни — очень много воспоминаний. Но там похоронен мой пес.

— Он от старости умер?

— Нет, его загрызла собака. Когда ему было 12 лет.

— Здесь, в Москве?

— Во дворе. Один бестолковый алкоголик выпустил большого ротвейлера.

— А у вас кто был?

— У меня был дворянин. Я вообще люблю дворняжек. Думаю, если и заведу собаку, то обязательно беспородную дворняжку.

— Не дай Бог кто-нибудь подкинет после нашего разговора.

— Нет, я сама должна выбрать.

Уже могу соперничать с «Академией»

— Лолита, у вас сейчас нет концертной деятельности!

— Есть в полном объеме.

— Где! Из того, что я знаю — клубы.

— Клубы — репетиционная база. Это нормальная работа. Обкатка. В конце ноября еду в первый гастрольный кассовый тур. Самара, Тольятти и — по всей стране. В апреле будущего года запланировано два сольных концерта в зале «Россия».

— В ноябре у вас день рождения. Это как-то связано!

— В ноябре выходит и мой первый сольный диск «Цветочки». Но это никак не связано. Нужно было время. Меня приглашали и раньше — согласилась только тогда, когда почувствовала, что уже могу соперничать с «Академией».

— Вашу сольную программу целиком кто-то уже видел!

— Никто.

— Из коллег ни с кем не советовались!

— У нас не принято. Да и как режиссер знаю, что не надо совета спрашивать. Тем более у коллег. Есть один судья — зритель. Не засмеялся он там, где ты предполагала, значит, что-то не так. Не заплакал там, где должен, — твоя ошибка.

— Вы зал во время выступлений видите! Можете оценивать его реакцию объективно!

— Только на том и работаю. Кстати, эстрада как раз и отличается, например, от театра прямым, непосредственным общением со зрителями.

— Вы испытываете к ним чувство жалости!

— Почему жалости?

— Не знаю. Я вот был однажды на концерте в Киеве — мне показалось...

— К зрителю каждый артист, если концерт прошел удачно, испытывает только одно чувство — признательности. За то, что он этот свой рубль не на кусок колбасы потратил, а на билет. И ты не имеешь права его обмануть.

«А скольские проигрывают вообще все! Нет, это самая настоящая наркомания, от которой надо лечиться... Я, например, могла просидеть за столом целые сутки».

— После чего они присылают записки с просьбой помочь.

— Полно таких случаев. Узнав, что кому-то артист помог, к нему начинают обращаться в следующий раз толпами. А с толпами уже проблема.

— Научились справляться!

— На самом деле люди, которым действительно очень плохо, они стесняются просить — им стыдно, они так воспитаны. Зато легко обращаются те, кто почему-то считает, что ты им что-то должна. «Хочу начать свое дело, дайте мне 2000 долларов». Или: «С детства мечтал о мотоцикле. Скоро у меня шестнадцатилетие — подарите мне японский мотоцикл». Как правило, помогаешь не им.

— Сейчас вы ведь могли бы не мотаться по гастролям.

— Почему?

— Насколько я понимаю, сегодня рядом с вами человек не бедный!

— Не бедный.

— Значит, ваша гастрольная деятельность могла бы не быть столь насыщенной.

— Не значит. Я не могу.

— Вам нужны сцена, успех, аплодисменты, выкрики «браво»!

— И заработки тоже. Я должна иметь возможность сама делать близким людям подарки. Даже если рядом со мной обеспеченный мужчина, никогда не стану заглядывать в его кошелек. Еще одно мое убеждение: его дети никогда не должны ни в чем нуждаться. Он должен их обеспечить всем. Это в частности. А в принципе если у тебя есть ребенок, ты должен принимать и материальное, и духовное в развитии этого ребенка участие.

— А вы с отцом своим не общались, когда он покинул семью!

— Он рано умер. Уехал, когда я была в четвертом классе, и через четыре года умер.

— И у вас нет человека, которому вы бы хотели что-то доказать своими успехами!

— Первое время это был Саша. Что естественно — когда два партнера расходятся, возникает такая конкуренция: а вот я без тебя! А что ты без меня! Но этот этап в моей жизни очень быстро прошел. Поэтому ничего и никому, кроме себя самой, я не собираюсь «доказывать». Вторым человеком будет моя дочь. Хочу, чтобы она знала, когда вырастет, что мама у нее — стабильная известная артистка, которой можно гордиться.

— У вас какая машина?

— «Мерседес».

— Кабриолет?

— Да.

— Давно водите?

— Года два.

— Испытываете удовольствие?

— Теперь уже не представляю, как жила без машины.

— Мне рассказали, что у вас необычные регистрационные номера.

— Нет, впереди у меня обычный госномер, а сзади — «Лолита».

— Вас в ГАИ столь сильно любят, что на такой подарок расщедрились?

— Это не они мне такой номер подарили. Могу сказать, что людям он доставляет море удовольствия. Сигна-а-а-лят! Поначалу пугалась, думала: подрезаю кого-нибудь или еще что, потом поняла: водители так приветствуют меня. Весело на дороге стало.

В Америку — к евреям

— Лолита, вы любите Америку!

— ?

— Вот вы недавно чуть ли не из реанимации улетели в США.

— Нельзя было срывать контракт.

— Но ведь ни для кого уже не секрет, что наши артисты ездят туда выступать всего лишь перед эмигрантами.

— А артисты всегда так и говорили: «Мы по евреям поехали!» И что здесь плохого? Будет большая русская колония на Занзибаре, поедем на Занзибар. Везде люди — везде зрители. Америку же я люблю еще и за то, что можно пойти на Бродвей посмотреть на совершенное искусство. То, до чего мы не дойдем никогда. Не в силу актерских возможностей — талантливых актеров у нас не меньше. А вот техническое оснащение сцены, мюзиклы, которые там идут, — вот несбыточная мечта. Но тем не менее, когда ты это видишь, так хоть понимаешь, к чему надо стремиться.

— Я сам хотел затеять разговор на эту тему. Только не про мюзиклы, а про Мадонну. Такой славы ни у вас, ни у кого-либо из наших никогда ведь не будет!

— Да, Россия — не та страна, которая предполагает мировую славу в этой сфере шоубизнеса. Здесь мы вторичны. Русские — это частушки, хор Пятницкого, ансамбль Моисеева.

— Вы с этим смирились!

— Это совершенно нормально. Дело не только в Мадонне. Дело еще и в распространении своей культуры, культурной экспансии. У американцев есть деньги на это, у нас нет. Почему в области балета мы были впереди планеты всей? Потому что коммунисты не жалели на него денег. А чтобы самостоятельно за океаном чего-то добиться, нужно родиться там. Или приехать в двухлетнем возрасте. В противном случае останутся исключительно перед, как вы говорите, эмигрантами выступления.

— Но они-то хоть успешны!

— Тьфу-тьфу-тьфу. Конечно.

— Вы суеверная?

— Уже нет. Единственное, я знаю, что мне нельзя говорить плохое, негативное: если скажу, мол, боюсь, заболею или — забуду слова на сцене, то так и будет... Да вот, давеча забыла целый куплет.

— И?

— А ничего — зритель любит такие накладки.

«Плейбой» ко мне давно пристает

— «Плейбой» проводит в Интернете голосование — определяют девушку месяца. Я посмотрел: вы там на сегодняшний день с 19 процентами голосов на третьем месте — после Анжелики Варум (23,4 процента) и Чулпан Хаматовой (23,6 процента).

— Меня это радует. Потому что мне самой раньше на себя как на женщину было противно смотреть. Больше того, в какой-то момент от недостатка любви я просто перестала быть женщиной. Состояние любви делает меня более красивой, как бы просыпается безумная энергетика — начинаю всех притягивать. Поэтому очень многие мужчины говорят, что я роковая женщина и что от меня надо держаться подальше. Действительно, я женщина без середины. Во всем: работать — так работать, любить — так любить, не любить — так не любить по-настоящему. Меня радуют эти 19 процентов, потому что год назад и их бы не набрала. Спасибо тем, кто оценил. Слава Богу, еще не поздно — не к 50 одумалась.

— Теперь, думаю, «Плейбой» обратится к вам с просьбой сняться.

— Они ко мне давно обращаются с такой просьбой. После развода возникло было желание доказать, кто я такая. Потом подумала: да не надо мне ничего доказывать. И хоть мне стесняться нечего: ни одной подтяжки, ни одной пластики, все нормально со всеми фигурами и со всем остальным — решила, что не хочу быть в общем списке.

Мечислав ДМУХОВСКИЙ.

Милявская Лолита 2000
312-313